

Симанская Е.Э.

УДК 811.512.145

СТРУКТУРА КОНЦЕПТА *ЧЕЛОВЕК* В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Постановка проблемы. В процессе коммуникации люди обращаются к своему внутреннему лексикону, в котором знания о внешнем мире представлены посредством концептов. Описание их дает возможность охарактеризовать национальный (этнический) характер, когнитивные стереотипы нации, отраженные на вербальном уровне. Четкое структурирование концепта позволяет наиболее полно отразить фрагмент языковой картины мира, представленный данным концептом.

Цель предлагаемого исследования – описание структуры концепта *человек* (*адам – инсан*) с точки зрения его объективации в языке.

Основной **задачей** работы является разработка структуры концепта *человек* в крымскотатарском языке; выявление особенностей мировосприятия, отраженные в рассматриваемом фрагменте концептоферы *человек*;

Объектом исследования являются различные языковые единицы, слова и словосочетания, в содержании которых актуализируется значение *человек*.

Когнитивная лингвистика – сравнительно новое направление, основы которого заложены в трудах известных ученых, развивающих когнитологию в рамках разных школ и направлений [1–7]. Крымскотатарское языкознание делает только первые шаги в исследовании концептов [8–10]. Настоящая работа основывается на принципах воронежской семантико-когнитивной школы З. Д. Поповой и И. А. Стернина, исследующей лексическую и грамматическую семантику языка как средство доступа к содержанию концептов [4, 6].

Базисное положение лингвокогнитологии – утверждение возможности изучения сознания человека через вербализованный образ мира посредством различных языковых единиц. Концепты – дискретные мыслительные единицы коллективного сознания, основные элементы, которыми оперирует концептуальная лингвистика. Они являются сгустками разнообразной информации в сознании человека и, частично объективируясь в языке, хранятся в «национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [11; с.53].

Настоящее исследование – попытка структуриации концепта *человек* (*адам – инсан*) в крымскотатарском языке. В современной науке нет однозначных моделей структур концептов. Исследователи едины в одном: структура каждого концепта многомерна и не имеет жесткой формы, позволяет описать концепт любого типа и с любым набором когнитивных признаков (концептуальных слоев), которые в концепте могут наслаиваться друг на друга и актуализироваться по-разному в коммуникативном, живом «теле» концепта.

Метафорически концепт представляют в виде облака [4, 6], снежного кома (Н. Н. Болдырев, см.: [13; с. 58]), фруктового плода [13]. Исходной, обязательной составляющей концепта является его базовый слой или ядро, центральная ядерная зона (в мышлении индивида он воплощается в чувственном образе). Базовый слой дополняется когнитивными признаками (слоями, сегментами), и структура концепта определяется совокупностью ядра и когнитивных слоев. Выделяются одноуровневые, многоуровневые и сегментные структурные типы концептов [11; с. 59]. Когнитивные слои в них связаны друг с другом преимущественно отношениями производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня. Одноуровневый концепт содержит только базовый слой. Отличие сегментного концепта от многоуровневого заключается в большей самостоятельности когнитивных слоев второго, сегменты равноправны по степени абстракции и более обширны. Примером сегментного концепта является концепт *человек*.

Первым шагом в исследовании любого концепта является определение слова-номинанта (репрезентанта), объективирующего концепт. В крымскотатарском языке значение концепта *человек* репрезентировано наиболее полно в содержании лексем *адам* и *инсан* (см.: [14]). Следующим этапом является выявление семантем ключевых слов, их сочетаемости, синонимического и антонимического ряда лексем-репрезентантов концепта. Проводится подробный анализ семантики выявленных единиц, определяются их основные семемы, основные и периферийные семантические компоненты каждой семемы.

Ядро концепта *человек* сопровождается дополнительными когнитивными (концептуальными) признаками, являющимися универсальными, общими для носителей языка и составляющими сегменты концепта. Концепт *адам – инсан* структурируется рядом релевантных признаков – сегментов разного объема:

Витальный – характеризующий физиологическое состояние человека (*джанлы, тири, сагъ, рухлу* ‘живой’, *джансыз, рухсыз* ‘неживой’, *олю* ‘мёртвый’, *сагъ-селямет* ‘здоровый’, *атешкозь* ‘живой, энергичный’ и др.).

Гендерный – социализированное биологическое различия по полу, на которое наслаиваются социальные параметры, соотношение метагендерного и гендерного уровней языка, средства конструирования гендерной идентичности, проявления гендерной маркированности на разных языковых уровнях, возрастные характеристики (*эркек – къадын* ‘мужчина’ – ‘женщина’, *огъул, огълан – къыз* ‘мальчик – девочка’, *деликъанлы* ‘парень, молодчик’, *къарт къыз* ‘старая дева’, *акъсакъл* ‘старец, старейшина’).

Социальный – «человек внешний», различные виды человеческих отношений и обязанностей в обществе, семья, профессия, также связанные с гендерными характеристиками; социальные роли; классовая

принадлежность и др. (*омюр аркъадашы* ‘супруг, супруга’, *кимсесиз* ‘безродный, одинокий’, *ёлбаичы* ‘руководитель, предводитель’, *къуйрукъ* ‘прихвостень’, *азыргъа дуаджы перен.* ‘дармоед’).

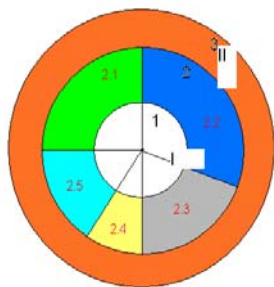
«Человек внутренний» – ментальные, эмоциональные состояния, характеризующие психические особенности человека (*акъмакъ* ‘дурак, идиот’, *акъыл хазинеси иутл.* ‘сокровищница знаний, мыслей’ (о человеке), *икмет саиби* ‘мудрец’, *зыр-джаиль* ‘совершенно безграмотный, невежда’, *дильбаз* ‘говорун, шутник’).

«Человек духовный» – дихотомия соматического культурного кода (человек земной, телесный) и кода духовного, теоморфного (божественного).

Границы между данными сегментами не очень четкие, сектора частично накладываются друг на друга. Последующий анализ сочетаемости лексем, вербализующих концепт, даст возможность выявить новые составляющие концепта, способы его категоризации в языке (когнитивные метафоры), в процессе исследования могут проявиться дополнительные когнитивные признаки, измениться состав сегментов.

К периферии содержания концепта относятся его толкования, интерпретационные признаки, содержащиеся во фразеологическом фонде языка, в фольклоре или в некоторых культурно значимых текстах разного вида (публицистических, художественных и научных). Выявляемые на данном уровне стороны концепта явно демонстрируют его многослойность и многоаспектность. Их особенностью является противоречивость, слабо выраженная структурация. Так, ср. крымскотатарские пословицы, объективирующие концепт *человек*: человек не является хозяином своей судьбы (*Баи язысыны козь корер* ‘Что написано на голове, то увидят глаза Чему быть, того не миновать’), человек влияет на судьбу (*Кяры эльден къачыран, такъдирге шикъет этме.* ‘Кто упустил дело из рук, тот не должен жаловаться на судьбу’); без женщины плохо (*Къадынсыз эв джансыз бир тенге ошар* ‘Дом без женщины, что тело без души’), женщина – враг мужчине (*Къойнунъдаки аврадынъ, тюбюнъдеки атынъ, белинъдеки сила савутынъ кендине душмандыр* ‘Твоя жена в твоих объятиях, твой конь под тобою, оружие на твоём поясе – твои враги’) и т.д.

Схематически структура концепта *человек* может быть представлена следующей моделью:

I. Ядерная зона.

1. Ядро.
2. Околоядерная зона, сегменты ядра:
 - 1) витальный;
 - 2) гендерный;
 - 3) социальный;
 - 4) “человек внутренний”;
 - 5) “человек духовный”.

II. Периферийная зона.

На всех перечисленных уровнях структуры концепта важен поиск специфических элементов, которые позволяют указать на особенности крымскотатарской языковой картины мира, отражающей мировосприятие и миропонимание народа.

Источники и литература:

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Akademia, 1997. – С. 267-279.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Akademia, 1997. – С. 280-287.
3. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 75-81.
4. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 30 с.
5. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Антология концептов / под ред.: В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 15-19.
6. Попова З. Д. Полевая модель концепта / З. Д. Попова, И. А. Стернин и др. // Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – 3-е изд., испр. и доп. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 12-43. – (Концептуальные исследования; Вып. 4).
7. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры : Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
8. Абдурашитова Ш. Б. Вербальная представленность концепта «страх» в крымскотатарском языке / Ш. Б. Абдурашитова // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 158. – С. 26-30.
9. Абдурашитова Ш. Б. Концепты «ачув» и «къуванч» в крымскотатарской языковой картине мира / Ш. Б. Абдурашитова // Мова і культура : науковий журнал. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – Вип. 10. – Т. IX (109). – С. 62-68.
10. Алиева В. Н. Концепт «душа» в крымскотатарской языковой картине мира / В. Н. Алиева, Ш. Б. Абдурашитова // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 148. – С. 33-36.

11. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 52-58.
12. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 39 с.
13. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58-65.
14. Симанская Е. Э. Определение слов-номинантов, объективирующих концепт *человек* в крымскотатарском языке / Е. Э. Симанская // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 194. – С. 156-158.

Таймазова Л.Л.

УДК 82/821.161.1.0

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ВОЛОШИНА)

Процессы, происходившие в культуре России конца XIX – начала XX века, обусловили тот факт, что жанр литературного портрета (как и многие другие литературные формы) в этот период претерпевают серьезные изменения как в своем объеме, то есть количественном (протяженность в тексте) и качественном (полнота охвата признаков) отношении, так и в характере включения его в текст. Как отмечают исследователи, в частности В.А. Кухаренко, в XX веке наблюдается несомненная тенденция к сокращению портретного описания, к большему использованию портретного вкрапления: вместо развернутой и подробной характеристики внешности, столь свойственной прозе XIX века, используются портретные штрихи [2]. Художественное воплощение органического целого в жанре литературного портрета зависит от того, насколько автор, создатель портрета, связывает воедино части этого целого (внешний облик, характер, биография, творческая деятельность, окружение и т. д.), насколько он ощущает их как неотъемлемые элементы нерасторжимого единства. Характерная для рубежа веков тенденция к взаимодействию изобразительных возможностей разных искусств также находит выражение в создании литературного портрета. Многие талантливые поэты, писатели и художники начала XX века творили одновременно в области литературы и живописи, а их произведения являлись ярким примером взаимодействия искусств. К ним несомненно следует отнести и Максимилиана Волошина.

«Лики творчества» – целая серия ярких статей о произведениях искусства и литературы и их создателях, с которыми Волошину приходилось встречаться, – занимают важное место среди его воспоминаний. В них опыт жизни и творчества поэтов и художников, близких и далеких автору, решительно переосмыслен, прочувствован заново, воссоздан в подробностях, поражающих цепкостью памяти, свободой фантазии, легкостью и остротой авторского штриха. Среди арсенала волошинских выразительно-образительных средств создания литературного портрета выделяются флористические детали, которые специально не акцентируются автором. Тем не менее, включенные в ряд других элементов, они характеризуют и портретируемого и художническую зоркость М. Волошина.

В рамках данной статьи мы остановимся лишь на выявлении этих флористических деталей как составляющих доминанту в образах портретируемых.

Статья «Анри де Рень» начинается с описания внешности поэта: «В настоящее время ему сорок пять лет. Он в полном расцвете своего творчества. На вид он моложе своих лет. Есть что-то усталое и юношеское в его высокой и худощавой фигуре. Его матово-бледное лицо, продолговато-овальное, с высоким, рано обнажившимся лбом, висячим тонким усом и сильным подбородком, по-девически краснеет при сильном впечатлении. У него бледные голубовато-серые глаза. <...> Во всех его движениях, в костюме, в фигуре есть грустная элегантность цветка, отяжелевшего в расцвете и склонившегося на вялом стебле» [1, с. 54]. Далее Волошин образно сравнивает манеру письма Анри де Рень «с текучей водой, на поверхности которой ярко отражаются облака, деревья и синее небо, между тем как из глубины сквозят камни и травы, растущие на дне, и глаз воспринимает и образ внешнего мира, и образ мира внутреннего одновременно и в то же время не смешивает их никогда в одно зрительное впечатление» [1, с. 68].

Знаковость цветка объединила восприятие Волошиным личности де Рень и его поэзии: *элегантный цветок на вялом стебле, текучая вода* – образы, символизирующие мимолетность времени, и *облака, деревья, травы* – вечность бытия.

Следующая флористическая единица в характеристике творчества известного французского поэта, драматурга, эссеиста, крупнейшего религиозного писателя XX века – Поля Клоделя имеет всепроникающий характер: «Свою ветвистую и широкошумную мысль он замыкает здесь строгой и сложной формулой Пиндаровой лирики, которая, подходя внутренне к полнозвучному складу его ума, получает в руках его новую, необычайно жизненную, сосредоточенную и сдержанную силу» [1, с. 71]. На довольно большом пространстве текста (имеется в виду вся статья – Л.Т.) фраза «*ветвистая и широкошумная мысль*» является ключевой. Далее же мы понимаем эту сдержанно-лаконичную, но чрезвычайно глубокую метафору Волошина, потому что, как потом оказывается, Поль Клодель смысл человека в мире понимает через образ